

ЭКЗЕКУЦИЯ 1793 ГОДА В КРЕПОСТИ СВЯТОГО ДИМИТРИЯ КАК ЗРЕЛИЩЕ И ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ НАКАЗАНИЕ

Д. В. Лысенко

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 30 марта 2017 г.

Аннотация: *эзекюции в культуре позднего средневековья и раннего нового времени нередко представляли собой зрелища, специально организованные властями или на которые зрители собирались добровольно. Постепенно со временем смысл этих акций менялся. В период опричнины в них виделся прообраз Страшного Суда. В XVIII в. они наполнялись светским смыслом и должны были показать всемогущество власти. Такие мероприятия осуществлялись на Дону в период массового движения казаков 1792–1794 гг.*

Ключевые слова: *эзекюция, донское казачество, массовое движение на Дону 1792–1794 гг.*

Abstract: *executions in the culture of the late Middle Ages and early modern times often represented the spectacle, especially organized by the authorities, or that the audience was gathered voluntarily. Gradually with time the meaning of these shares was changing. The prototype of the Day of Judgment was seen in the period of the oprichnina in it. In the XVIII century they were filled with secular meaning and were supposed to show the omnipotence of the power. These activities were being realized on the Don during the mass movements of the Cossacks in the years 1792–1794.*

Key words: *execution, Don Cossacks, mass movement on the Don 1792–1794.*

В истории отечественной и мировой культуры XVIII век выступал как эпоха Просвещения, как самая решительная антитеза культуре средневековья. Такие ее основы, как рационализм и гуманизм, противопоставляли себя провиденциализму и теократизму Средних веков. Самой решительной критике просветителей подвергалась религия и другие устои прошлого. Вместе с тем подобная критика выступала как наиболее яркое проявление новой культуры, которая шла на смену мрачному и темному прошлому. В связи с этим в сознании исследователей нередко складывалось представление о более широком распространении в общественном сознании той эпохи, как иногда и в более ранних периодах нового времени, характерных признаков новой культуры. Проявлялось своего рода искаженное представление о массовом сознании, в котором не в полной мере учитывалась устойчивость традиций прошлого, трудности, с которыми встречались новые культурные традиции на пути своего утверждения, в связи с чем этот путь и оказывался таким сложным. Так, на примере постановки проблемы Реформации во Франции основоположник школы Анналов Л. Февр указывал, что вообще отсутствие учета значимости в массовом сознании важнейших начал традиционной культуры стоит на пути понимания сущности французской Реформации.

Замечание совершенно справедливое. Вместе с тем Л. Февр показал, как учет таких начал и традиций

помогает вскрыть внутреннюю сущность этого сложного культурного и интеллектуального явления французской жизни раннего нового времени, определяющую не столько распространением новых идей, сколько глубиной, силой и устойчивостью архаичных пластов массового сознания.

Это дает основание делать вывод об исключительной сложности процессов формирования новой культуры, в которых традиция, исходившая из Средневековья, самым причудливым образом сочеталась с новыми основами мышления и общественной жизни. Все это могло находить выражение даже на уровне повседневности, а также в таких общественных явлениях, которые не могли происходить в повседневности и даже сколько-нибудь часто, но были вполне понятны современникам. В частности, к таким явлениям могли относиться публичные эзекюции и казни, совершавшиеся по воле государственной власти. Опора на историко-сравнительный метод дает возможность сопоставить такие мероприятия, проводившиеся в России в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени, на государственном и на местном уровнях. Она позволяет выявить черты общего и особенного в этих явлениях, разницу в соотношении в них между формой и содержанием и изменения, не всегда заметные для современников, во внутренней их сущности.

Публичные казни и эзекюции были довольно обыденным явлением в жизни как русского, так и западноевропейского средневековья. Одним из наиболее ярких их проявлений стала массовая и публич-

ная казнь, проведенная летом 1570 г. в Москве, на Поганой луже, в период опричнины Ивана Грозного. Как справедливо отмечал А. Л. Юрганов, восприятие этого события современниками понималось в соответствии с устоявшимися представлениями о Страшном суде. В данном случае Страшный суд переносился в реальность, а за отдельными людьми оказывались закрепленными роли, известные по представлениям о Страшном суде. Так, в роли Бога выступал царь Иван Грозный, что и соответствовало представлению о божественной сущности власти, которая дается от Бога. Но Бог только налагает наказания за грехи, но не приводит их в исполнение. Для этого существуют опричники, к которым, как подчеркивал А. Л. Юрганов, Иван Грозный «относился как к праведной силе, исполняющей волю царя и Божью» [1, с. 69], а «казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным Судом» [там же, с. 71]. Роль грешников отводилась казненным. На месте казни были собраны известные атрибуты ада: огонь, котлы с кипятком, колья, крючья и т. п. Как это и положено в аду, грешникам предстояли мучения, что и в самом деле происходило во время этих казней. Как указывал А. Л. Юрганов, «Иван Грозный видел главную свою функцию в наказании зла "в последние дни"», поскольку наступления их «пассивно ждать он не мог, будучи убежден в своей особой миссии» [там же, с. 61].

По обоснованному замечанию А. Л. Юрганова, всякая казнь, производившаяся при Иване Грозном, «определяется эсхатологической семантикой» [там же, с. 53], связанной с представлением о конце света и Страшном суде. Вместе с тем эта казнь была публичным зрелищем. Был собран московский народ, который мог видеть полное подобие ада [там же, с. 54–55]. На это зрелище опричники, как писал Н. М. Карамзин, сгоняли народ, причем царь «велел опричникам искать людей, гнать их отовсюду на площадь; не имев терпения ждать, сам поехал за ними, призывая москвитян быть свидетелями его суда» [2, т. 9, стб. 93]. О панике среди московского населения после прибытия царя с опричниками, которая лишь «постепенно улеглась», указывал Р. Г. Скрынников. Он писал о царском обращении к присутствовавшему народу с вопросом об одобрении казней и получил «всенародное одобрение опричной расправы», что, по его словам, было «конечно, сплошной фикцией» [3, с. 93]. И, конечно же, собравшийся народ едва ли мог думать о «кромешниках» и «псарях» как о «праведной силе» наподобие самого Ивана Грозного [4, с. 134].

Культура нового времени сохранила в ранний период своего развития некоторые стороны традиционной средневековой культуры, но подвергла их определенным изменениям. Как подчеркивал извест-

ный современный историк Пугачевского восстания В. Я. Мауль, еще русское законодательство XVII в. очень способствовало популяризации в массовом сознании зрелищ вроде смертной казни и тяжелых телесных наказаний. Эти законы, по его словам, «прививали населению вкус к кровавым зрелищам» [5, с. 112]. Все это внедрялось в массовое сознание легко, если учитывать крайне низкую ценность жизни человека в культуре как средневековья, так и раннего нового времени. Вместе с тем в духе времени менялись представления о сущности наказания. Речь уже не шла об эсхатологических ожиданиях конца света и Страшного суда. По словам В. Я. Мауля, производившая подобные экзекуции власть стремилась, кроме наказания виновных, еще и «продемонстрировать свое полное господство над жизнью и судьбой человека, ибо они, как считалось, полностью принадлежат Богу и государю, который волен распоряжаться ими по своему усмотрению» [там же, с. 113]. Все это в полной мере проявлялось в ходе восстания под предводительством Е. Пугачева, когда казни осуществлялись как восставшими, так и государственной властью. По-прежнему сохранялась при этом зрелищная сторона расправы, когда казни и экзекуции совершались нередко публично, при большом скоплении зрителей. Это обстоятельство позволяет выявить еще одну цель наказаний, которые совершались публично. В. Я. Мауль ссылается при этом на точку зрения М. Фуко и полагает, что такими акциями власть «не столько вершила правосудие, сколько осуществляла месть», тем самым утверждая «безусловное право суверена над жизнью и смертью подданных». Еще одной стороной такого публичного карательного действия «был ритуал устрашения, но одновременно и ритуал очищения общества от скверны» [там же, с. 139]. Таким образом, смысл казней при сохранении публичности ритуала менялся в духе времени, наполнялся вполне рационалистическим содержанием. Вместе с тем суд и расправа не утрачивали полностью присущую еще средневековью «религиозно-нравственную семантику» как победы над «суеверием, дышащим злом» [там же, с. 154], олицетворением которого для победившей восстание дворянско-самодержавной России выступал Е. Пугачев. Казнь Пугачева совершалась 10 января 1775 г. при большом скоплении людей, причем войска, как указывали В. В. Мавродин и В. М. Панеях со ссылкой на мемуариста Андрея Болотова, «с трудом сдерживали напор толпы, пропуская через оцепление лишь дворян, офицеров и чиновников» [6, с. 429].

Когда в 1792–1794 гг. на Дону происходило массовое выступление донских казаков против нарушения властями традиционных правил казачьих переселений на другие территории, также происходили публичные экзекуции. По традиции такие переселе-

ния происходили по жребию, но в 1792 г. власти решили оставить на Кавказской линии казаков шести донских полков, которые несли службу по Кубани, заселить ими новые станицы и отправить к этим казакам их семьи. Возмущенные казаки полков полковников Поздеева, Луковкина и Кошкина самовольно ушли с линии и явились в столицу войска Донского Черкасск. Действия войсковых властей привели к развертыванию массового казачьего движения на войсковой территории. Во главе этого движения стали казаки Никита Белогорохов и Фока Сухоруков.

Войсковым властям удалось подавить это движение. Белогорохов и Сухоруков были арестованы вместе с другими предводителями движения, которыми были казаки, служившие вместе с ними в полках на Кубани, – Штукарев, Садчиков, Подливалин и Попов. Наказание по приговору суда было назначено на 12 августа 1793 г. в крепости Святого Димитрия Ростовского. В соответствии с приговором Белогорохов должен был получить 50 ударов плетьюми, а Сухоруков – 30 ударов, после чего они ссылались в Нерчинск. Остальные после наказания плетьюми должны были направляться вне очереди на службу [7, с. 328–329].

Власти сделали все возможное, чтобы известие об экзекуции над Белогороховым и его товарищами и ее подробности стали широко известны во всех станицах войска Донского. Для этого по указу Государственной военной коллегии от 13 июня 1793 г. было решено собрать в крепости во время этого наказания казаков из этих станиц. По определению Войскового гражданского правительства от 13 июля, в развитие этого указа было послано распоряжение о присылке в Черкасск, а затем в Ростовскую крепость для присутствия при наказании «казаков прислать... из каждой станицы, где есть в наличности бывшие в побеге с кубанских полков казаки из их по одному человеку и по другому, из таких, кои доброго поведения и служили беспорочно». Далее в определении следовало разъяснение, что если в станицах нет беглых с Кубани казаков, то прислать из них «по одному человеку из беспорочных людей» [8, л. 47–47 об.].

К сбору казаков для присутствия на экзекуции в крепости Святого Димитрия войско Донское отнеслось со всей серьезностью. Из Черкаска 14 июля были посланы по станицам грамоты с нарочными казаками. В этих грамотах содержалось категорическое требование о присылке в войсковую столицу казаков для последующей отправки в Ростовскую крепость «непрерывно к 30-му числу сего месяца из каждой станицы». В качестве таких нарочных посылались казаки черкасских городских станиц – Средней, Павловской, Дурновской, Прибылянской и Скородумовской [там же, л. 48–48 об.].

Собрать казаков в Черкасске столь быстро, однако, не удалось. Об этом стало ясно, по крайней мере, к 21 июля, когда обер-коменданту крепости Святого Димитрия из Войскового гражданского правительства было послано уведомление о прибытии казаков в Черкасск уже не 30 июля, а 7 августа. В свою очередь, ростовского обер-коменданта интересовало, «сколко именно оных казаков при экзекуции (экзекуции. – Д. Л.) будет и х какому времени» [там же, л. 49].

Получив распоряжение об отправке казаков для присутствия при экзекуции в Ростовской крепости, станичные правления посылали рапорты в Войсковое гражданское правительство о его исполнении. В рапортах сообщались имена тех казаков, кто «поведения доброго, и служил безъпорочно, в штрафах, пороках и наказаниях не бывал никогда», а также «бывших в побеге с кубанских полков». Некоторые станицы сообщали в рапортах, что у них из числа бежавших с Кубани «в наличности никого не имеется», как это было в рапорте Филипповской станицы от 24 июля [там же, л. 30]. Вообще в рапортах нередко давались дополнительные характеристики хорошо служившим казакам. Так, от Нижней Рыковской городской станицы были назначены «два степенных старыка» Казма Планидин и Григорей Харсеев [там же, л. 15], от Перекопской станицы – «служивший бес пороку» казак Иван Долгов [там же]. Станица Кременская выписала отставному казаку Ананью Киселеву особое свидетельство, в котором писали о нем, что «все свое житие вел себя честным и неподозрительным состоянием, обид и других бунтов никому не чинил» [там же, л. 20]. Станица Ярыженская на Бузулуке в аналогичном одобрении казаку Мокею Кузнецову писала, что он «казачей сын и доброго поведения, в военных службах в разных полках служил беспорочно, и при станицы ни разу в штрафах и подозрениях некогда не бывал» [там же, л. 35]. В свидетельстве Березовской станицы на Медведице о казаке Семене Кривчихине сообщалось, что он служил «в полку г[оспо]д[и]на полковника Алексея Паздеева... на Кавказской линии беспорочно» [там же, л. 37]. Такие свидетельства, как и вообще характеристики «беспорочно» служивших казаков, в станичных рапортах появлялись не случайно. Станичные общества тем самым стремились довести до сведения войскового гражданского правительства, куда из станиц посылались эти документы, что такие казаки не только живут в их станице, но и пользуются самым большим уважением местных казаков, что ценят они их беспорочную службу, но не самовольный уход с линии.

Зрелище экзекуции активных участников массового движения на Дону 1792–1794 гг. имело место не только в крепости Святого Димитрия Ростовского. Выступавших против принятия грамот на переселение на Кубанскую линию атамана станицы Скури-

шенской на Медведице Тимофея Бахурина и старика этой станицы Зота Бердникова по постановлению войскового гражданского правительства было решено публично наказать тридцатью ударами кнута «на месте учиненного ими преступления, на Медведице в Разьдорской станице» [там же, л. 125]. В самом Черкасске, как писал в своем дневнике свидетель, черкасский протоиерей Василий Рубашкин, была проведена расправа над есаулом Иваном Рубцовым, который погиб, получив 251 удар кнутом. На экзекуции присутствовали генералы князь Щербатов и Д. Мартынов, «много множества штаб и обер офицеров и простого народу» [9].

Как отмечал В. Я. Мауль по поводу обоснования необходимости жестоких наказаний участников Пугачевского восстания, «дворяне постоянно сбивались на более привычную для них "лексику" новой культуры, в свете которой бунт оказывался препятствием на пути прогресса», поскольку просветительская идея прогресса проникала в сознание русского дворянства [5, с. 138]. К этому добавлялись некоторые морально-нравственные характеристики восставших, дававшихся дворянами, прежде всего их «злодейство» [там же, с. 139]. Аналогичные обвинения содержались по отношению к донским казакам, участвовавшим в движении 1792–1794 гг. Так, в рапорте бригадира Себрякова от 21 декабря 1793 г. о мятежных казаках станицы Скуришенской говорилось, что они «остаются поднесь в своих закоснелостях» [8, л. 88]. Указание на закоснелость восставших встречается нередко. В письме станицы Михайловской на Хопре об избранном восставшими казаками атамане Архипе Короткове говорилось, что он вообще стал во главе этих казаков «по законсневшей гнусной своей жизни к одному упорству» [там же, л. 19 об.]. Таким образом, под закоснелостью понималось упорство в отстаивании устаревших порядков, которые не соответствовали новым условиям жизни. Это слово в данной фразе усиливало свое резко отрицательное наполнение с помощью сильной экспрессивной лексики, которая выражалась прилагательным «гнусной». Кроме того, участников движения обвиняли в развороте, а некоторые из них, в том числе А. Коротков,

прямо в документах войска Донского называются развратниками, как и многие другие казаки. Обобщенная характеристика выступавших казаков содержится в словах из рапорта премьер-майора Варлама Денисова об атамане Нижней Чирской станицы Гармилове от 8 декабря 1793 г.: «Зверское его состояние изобличает умышление его, нет в нем ни малейшей искры, склонной к благонамерению, главной бунтовства зачинщик» [10, л. 5].

Таким образом, традиция публичных экзекуций, существовавшая в Московском государстве, перешла в Российскую империю времени царствования Екатерины II и воспроизводилась при наказании донских казаков, участвовавших в движении 1792–1794 гг. против нарушения казачьих порядков переселения на Кавказскую линию. Из экзекуции власти делали зрелище, которое должно было убедить казачество в торжестве власти над бунтовщиками, закоснелыми в своем упорстве и выступавшими против мероприятий правительства. Они были призваны убедить казаков в бесполезности всякого протеста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрганов А. Л. Опричнина и Страшный Суд / А. Л. Юрганов // Отечественная история. – 1997. – № 3.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 4 кн. / Н. М. Карамзин. – М. : Книга, 1989.
3. Скрынников Р. Г. Опричный террор / Р. Г. Скрынников. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1969.
4. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного / Д. Н. Альшиц. – Л. : Наука, 1988.
5. Мауль В. Я. Социокультурные аспекты изучения русского бунта / В. Я. Мауль. – Томск : Изд-во ТГУ, 2005.
6. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева : в 3 т. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1970.
7. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 1961.
8. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). – Ф. 341. – Оп. 1. – Д. 162.
9. Дневник священника города Черкаска В. Рубашкина // Казачий вестник. – 1881. – № 13. – 13 февр. – С. 2.
10. ГАРО. – Ф. 341. – Оп. 1. – Д. 165.

*Южный федеральный университет
Лысенко Д. В., аспирант Института истории и
международных отношений
E-mail: Gorkovskaya90@mail.ru
Тел.: 8-930-415-80-80*

*Southern Federal University
Lysenko D. V., Post-graduate Student of the Institute of
History and International Relations
E-mail: Gorkovskaya90@mail.ru
Tel.: 8-930-415-80-80*